

Е. С. Соболева, С. П. Сорокина

**ЕВРЕИ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВТОРОЙ РУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ 1914–1915 гг.)***

АННОТАЦИЯ. В неопубликованных материалах участников Второй Русской (студенческой) экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. содержатся интересные наблюдения о быте городского и сельского населения. Путешественники повсюду встречались с эмигрантами из Российской империи. В письмах и дневниках описаны типовые ситуации из жизни эмигрантов, отражены роль и место евреев в развитии конкретных районов Южноамериканского континента (Аргентины, Парагвая, Чили). Рекомендательные письма молодым ученым позволяют изучить коммуникационную систему и поддержания связей в эмигрантских общинах. Записки С. В. Геймана содержат ценную информацию о круге местной интеллигенции, некоторых значимых фигурах восточноевропейского происхождения, прежде всего евреев. Семьи Павловских, Мариенгоф и других образованных россиян сыграли важную роль в развитии экономики Аргентины. Семья швейцарского зоолога М. Бертони создала научную лабораторию в тропическом лесу в Парагвае. Особый интерес представляют заметки С. В. Геймана об экспериментальных эмигрантских колониях, в том числе описание еврейской сельскохозяйственной колонии Мозесвилль (Аргентина).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Южная Америка, еврейская эмиграция, С. В. Гейман, Г. Г. Манизер, И. Д. Стрельников, Н. П. Танасийчук, Ф. А. Фиельструп, этнография, Еврейское колонизационное общество

УДК 918:910.4+94(8).036

DOI 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-165-180

СОБОЛЕВА ЕЛЕНА СТАНИСЛАВОВНА — к.и.н., ст.н.с. отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: soboleva@kunstkamera.ru

СОРОКИНА СОФЬЯ ПАВЛОВНА — ведущий специалист по учетно-хранительской документации отдела учета, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: msp@kunstkamera.ru

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 19-09-00233 «Изучение материалов Второй Русской Экспедиции в Южную Америку (1914–1915 гг.)».

Ценным источником по этнографии Нового Света являются материалы участников Второй Русской экспедиции в Южную Америку (1914–1915). Многие из документов впервые вводятся в научный оборот в данной статье.

В начале XX в. государства Южной Америки привлекали эмигрантов из всех районов мира. Русская эмиграция в Латинскую Америку до революции (до 1917 г.) активно поддерживалась информационными кампаниями в Европе и Российской империи. Были изданы специальные законодательные акты: в Аргентине (1876) — «О поощрении иммиграции в Аргентину», в Бразилии (1889) — «О полной натурализации иностранцев в Бразилии». Это делалось как для решения вопросов освоения территорий, развития промышленности, так и для увеличения роста белого (европейского) населения и укрепления внешних границ (Рязанцев, Письменная 2014: 58).

Компания «Русское Восточно-Азиатское пароходство» (Russian East Asiatic Steamship Co.) в 1900 г. открыла регулярное пассажирское сообщение на трансатлантической «Русско-американской линии» из Либавы (Лиепая) через Гамбург или Лондон в Буэнос-Айрес, а с 1908 г. осуществляла перевозку эмигрантов в Нью-Йорк. Из Либавы совершался один рейс раз в две недели. К 1913 г. до 60 тыс. человек ежегодно уезжало оттуда в Нью-Йорк.

Из Либавы на пароходе «Казань» 10 (23) апреля 1914 г. начали свое путешествие в Южную Америку пятеро петербургских студентов — участники Второй Русской экспедиции в Южную Америку Сергей Вениаминович Гейман (1887–1975), Генрих Генрихович Манизер (1889–1917), Иван Дмитриевич Стрельников (1887–1981), Николай Парфентьевич Танасийчук (1890–1960), Федор Артурович Фиельструп (1889–1933) (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 3.).

В их ранее не публиковавшихся письмах и путевых дневниках упоминается о встречах с соотечественниками в самых неожиданных ситуациях, содержатся интересные наблюдения об адаптации эмигрантов, в том числе еврейских, на новом континенте.

Первые заметки сделаны уже в пути. Из Лондона пассажиры переехали в Саутгемптон, откуда отбыли 1 мая 1914 г. (по новому стилю) в Буэнос-Айрес на океанском лайнере Royal Mail Steam Packet Company «Arlanza». Г. Г. Манизер писал родным:

На пароходе у нас общество чрезвычайно разнообразное: кроме нас, русские есть только два-три еврея, <...> есть и турок с какими-то фантазиями и планами сионистского характера (т.к. он тоже еврей), <...> словом я никогда не думал, что в одном месте может быть такая пестрота людей (Дневник Манизера: 13–14). За одним столом с нами француз — портной, очень красиво говорящий на своем языке, и парочка аргентинцев, едущих из Парижа, иногда тут же и еврейка со своей дочкой, болтающие на жаргоне или по-английски, хотя и понимающие по-русски. <...> За третьим столом четыре англичанина <...>, тут же итальянец — аргентинец, французенка большая хохотушка и еврейка из Франции, так мало похожая на еврейку, что немало удивила меня, заговорив на жаргоне с соседкою. <...> После завтрака все ползут на палубу, где у каждой группы по национальностям — свое любимое местечко (Там же: 27–29).

Путешественники на себе прочувствовали тяжелую судьбу эмигрантов. Перед высадкой на берег все они проходили медицинское освидетельствование (главным образом врач осматривал глаза). Ф. А. Фиельструп 22 мая 1914 г. писал матери из Буэнос-Айреса (пер. с англ. яз. здесь и далее. — Е. С.):

У нас были некоторые трудности, прежде чем мы сошли на берег. Третий класс настолько насыщен подозрительными личностями, что полиция всегда следит за ними, стараясь поймать тех лиц, что значатся в их сыскных книгах: мужчины, путешествующие с женщинами из одной республики в другую, русские евреи, то есть россияне, занимают первое место в этом отношении, русские анархисты тоже — все вместе русские здесь

в черных книгах полиции; одному из наших попутчиков, еврею, не разрешили покинуть корабль в Рио по той же причине, полицейский агент сказал, что он его хорошо знает, и ничего не поделаешь против этого, хотя парень совершал свою первую поездку в Америку (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 17.).

Прибыв в Буэнос-Айрес 22 мая 1914 г., студенты разместились в Эмигрантском доме.

Эмигрантский дом, где пока мы еще живем, находится прямо через узкую улочку от пристани, к котор(ой) сначала приглашают пароходы, так что перевезти багаж на тачке пустяки и эта процедура нас немало позабавила. Дом огромных размеров с массой воздуха, белыми кафельными стенами, большими окнами и состоит собственно из целого городка, в ограду которого пускают по особым билетам, выдающимся на 5 дней. Сейчас народу так мало, что целые этажи пустуют. Еда такова: в 6 час(ов) кофе с булкой, в 10 часов две смены: макаронный суп, варево из мяса, каши и картофеля, риса, бобов и каких-то корней, в 4 часа — то же самое и каждый день то же самое. Пища, вероятно, вполне доброкачественна, но ее подают, разумеется, в жестяных, почтенного возраста тарелках, таких сальных, что выпачкаешься, если тронешь, ложки и вилки таковы же. Если бы не приятное сознание, что этим делается очень большая экономия, так как жизнь дорога страшно, то мы, наверное, были бы требовательные. Спать следует на особых и довольно гигиеничных приспособлениях такого вида, состоящих из толстого куска брезента, натянутого на канаты, без «местов» для паразитов и т.п. Недостаток спальни (огромных размеров — человек на 200, пожалуй), то, что она не отапливается (а вентиляция там хороша, что воздух не вонюч и не тяжел), холода же здесь изрядные, так что мы зябнем немного, пальто во всяком случае оказалось очень уместно, хотя сами аргентинцы щеголяют без пальто, делая вид, что у них вечное лето.

Сложив багаж (из него в первый же день сперли пальто Геймана и еще какую-то мелочь, но дальше еще до сих пор не пошли, хорошо, что деньги наши в банке по сие время), мы отправились в консульство (Дневник Манизера: 46–49).

В 1974 г. в Эмигрантском доме разместился Музей иммиграции и Центр современного искусства (Museo de la Inmigración y Centro de Arte Contemporáneo — MUNTREF) (рис. 1–2).

Молодые люди осматривались, посещали аргентинских ученых, к которым они везли из России 10 рекомендательных писем. Коммуникабельный С. В. Гейман успевал знакомиться с журналистами и давать интервью. Впоследствии ему очень помогло то обстоятельство, что бразильская и аргентинская пресса неоднократно сообщали о русской экспедиции. Русские дипломаты вводили молодых ученых в местное общество и помогали скорректировать программу поездки. Секретарь российской миссии в Бразилии (с 1908 г.) Евгений Федорович Штейн (Eugene Stein 1869–1961) с 1910 г. одновременно являлся поверенным в делах России в Аргентине. Федор Викторович Пташник был русским консулом в Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айресе.

Неудивительно, что практически повсюду участники экспедиции могли встретить бывших соотечественников. С 1890-х годов к иммигрантам из романоязычных стран Европы добавились массы безземельных крестьян и безработных горожан из Балканских стран, Австро-Венгрии, России. В Аргентине почти половину их, по мнению специалистов, составляли евреи (Шейнбаум 1981: 296). В странах Американского континента в документах всех их записывали, фиксируя не национальность, но страну, из которой прибыл иммигрант, — русскими (Пуятюва 2005).

Вечером 28 мая 1914 г. в Ла-Плате молодые ученые зашли в русско-еврейский клуб, где уже были накануне по приглашению бывшего студента из Киева — теперь аргентинского чиновника и гражданина. Здесь собираются по вечерам люди, уже почти забывшие или во всяком случае переставшие говорить по-русски. Нас угостили ужином (Дневник Манизера: 60). В пятницу

29 мая они вернулись *от Кагана — тоже русского проф(ессора) минерал(оги)* в Ла-Плате, его жена, работавшая в институте Пастера, познакомилась еще раньше с нами. Это было что-то вроде студенческой вечеринки с бесконечным чаем и разговорами (Там же: 62). Заметим, что И. Д. Стрельников летом 1913 г. работал в лаборатории И. И. Мечникова в Институте Пастера в Париже, и по рекомендательному письму оттуда в Буэнос-Айресе в Институте Пастера путешественникам были сделаны прививки от тифа (Стрельниковы 2017: 49).

Поверенный в делах России в Аргентине Е.Ф. Штейн 30 мая 1914 г. познакомил россиян с Александром Павловским — *начальником уличного движения в Б(уэнос-)Айресе, который уже 25 лет из России, но говорит по-русски чисто — одно только не избегло его, как и всех русских здесь, это употребление вместо наших «да» и «нет», испанских «sí» и «no»* (Дневник Манизера: 62).

В отличие от большинства иммигрантов того времени, семья Павловских как специалистов высокого уровня была приглашена в Аргентину правительством. В первое же время своего пребывания в стране они внесли заметный вклад в ее развитие, заняв среди местной аристократии важное место (Дементьев 2018: 1209).

Старший брат Исаак Яковлевич Павловский (Isaac Pavlovsky, 1852–1924) — революционер-народник, бежал из ссылки в Америку, затем в Париж. При поддержке И. С. Тургенева написал несколько книг. С 1880-х годов работал парижским корреспондентом газеты «Новое время» (литературный псевдоним И. Яковлев).

Аарон Яковлевич Павловский (Aaron Pavlovsky, 1856–1918) в 1877 г. с группой «шейкеров» (организация, отделившаяся от протестантского религиозного движения квакеров) уехал из России в Северную Америку, а в 1879 г. переехал во Францию. Писатель И. С. Тургенев заставил его поступить в университет Монпелье. В 1883 г. президент Аргентины Хулио Архентино Рока (Julio Argentino Roca, 1843–1914) пригласил его, агронома, специализировавшегося на виноградарстве, создать первую национальную агрономическую школу в провинции Мендоса. Аарон Павловский стал восторженным пропагандистом Аргентины за рубежом, читал лекции во Франции и Бельгии, способствуя притоку иммигрантов в эту страну. В 1884 г. он основал винодельню «La Purísima», начал промышленное производство вина, получившего международное признание. Женится на Марии Луизе Молина и Видела Корреас (María Luisa Molina y Videla Correas), дочери губернатора Педро Молины (Pedro Molina).

Его сестра Роза Яковлевна Павловская-де-Роземберг (Rosa Pavlovsky de Rosemberg, 1862–1936) изучала медицину в Сорбонне. В 1886 г., приехав в Аргентину, героически боролась с эпидемией холеры в провинции Мендоса. Вновь вернулась в Аргентину в 1891 г. как врач-педиатр, работала во Французском госпитале.

Младший из братьев Александр Яковлевич Павловский (Alejandro Pavlovsky, 1865–1934) прибыл в Аргентину в 1883 г. Одно время он управлял собственностью своего брата Аарона в департаменте Гуаймальен (Departamento Guaymallén) в провинции Мендоса. Переехал в Буэнос-Айрес, женился на Розе Легисамон Агирре (Rosa Leguizamón Aguirre, 1874–1911), имел 11 детей. Был генеральным директором зоопарка в Буэнос-Айресе, в 1915–1916 гг. — генеральным директором транспортной службы муниципалитета Буэнос-Айреса (Jaroslavsky). Автор пяти книг. На родину студенты привезли одну из его книг — сборник рассказов «Осенние листья» (Pavlovsky 1902). Издавал еженедельную прогрессивную общественную и экономическую газету на русском языке «Новый Мир» (адрес: Buaya, 619, Buenos Aires). При редакции действовал справочный отдел, куда можно было обращаться за данными о стране и о русских гражданах, проживавших в Аргентине.

Как писал о нем в дневнике С. В. Гейман, *А. Я. Павловский. Бывший революционер, перекопавший сюда уже 25 лет и поправел до корреспондента «Нового Времени» — должно быть, беспокоили лавры своего брата, тоже из «Н(ового) В(ремени)», известного Яковлева, живущего в Париже. А(лександр) Я(ковлевич) теперь начальник департамента движения в муниципалитете с окладом в 12 т(ыс). руб. в год. Карьера его — сплошной триумф удачи. Женат на губерна-*

торской дочери, получил роскошные связи с «тепленьким хвостиком» и выдвинулся. Кроме того, от природы он одарен умом недюжинным и чертовской энергией, увлечением. Владея испанским языком, он написал роман из русской жизни, отмеченный весьма лес(т)но критикой. Его добрая душа всегда отзывалась на народное горе и нужду. Его по справедливости можно считать патриархом Русской колонии и самым полезным человеком — тысячи людей за него молят Бога, и он создал заслуженную и достойную славу. Братья и сестры его — все выдающиеся люди. А(лександр) Я(ковлевич) — наш министр финансов, и дом его всегда был к нашим услугам (Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 7 об. — 8 об.).

Однако в мае 1917 г. А. Я. Павловский ушел в отставку после официальной жалобы Е. Ф. Штейна, обидевшегося на статьи, критиковавшие деятельность русского дипломатического корпуса за границей (Дементьев 2018: 1207).

О том, как А. Я. Павловский помогал экспедиции, Н. П. Танасийчук сообщил крестной в письме от 10 июня 1914 г.:

Последние дни мы обедаем в гостях: сперва нас пригласил редактор здешней русской газеты «Новый Мир». Угостил борцом. Мы так отвыкли от тяжелой пицци, что едва могли подняться из-за стола после обеда. (Все же не прочь бы поесть филипповских пирожков?) На следующий день нас пригласил к себе проф. Амброзетти (о нем я уже писал Вам), обед устроил грандиозный — чуть ли не десяток блюд, да шампанское! За нами ухаживали, старались сделать для нас все возможное. Наконец, одарили нас книгами и лишь в 2 часа мы попали в наш эрмитаж.

Решили ехать мы на пароходе Михановича — австриец. Он с молодых лет здесь; начал простым лодочником, теперь миллионер. Надо было похлопотать о скидке, для этого необходимо было повидать самого Михановича. Пошли к нему Фиельструп и Манизер — их не пустили. Управляющий заявил, что они-де экскурсиями не интересуются и самое большее, что они могут дать, — это 10 %. Тогда один здешний русский политический эмигрант, директор городского движения, посоветовал нам обратиться к Роткопфу — русскому (еврею), он будто бы может сделать все, что угодно. Так и сделали. Роткопф обещал помочь и для этого прежде всего накатал о нас громадную статью в «El Diario». В ней он от нашего имени написал, что Миханович был так благороден и любезен, что очень облегчил нам наше путешествие. Каково! Уверяет, что это поможет. Посмотрим. У этого корреспондента обедали вчера (Семейный архив В. Н. Танасийчука).

Заодно Н. П. Танасийчук пересказал содержание ряда заметок из испаноязычной прессы. Газета «La Prensa» 3 июня 1914 г. сообщала о прибытии комиссии, экспедиции из пяти русских универсантов, посланных императорским московским правительством для изучения экономических условий агрикультуры и скотоводства республики. В заметке «Изучение нашей страны» подчеркивалось, что посылка экспедиции вызвана новой иллюстрированной книгой профессора Кринкова, которая привлекла внимание нескольких сановников к Аргентинской Республике, что экспедиционеры не имеют никакого официального характера и остановилась в Эмигрантском доме, чтобы узнать и изучить условия, в которых находятся рабочие, приезжающие в страну, во время своего пребывания в этом учреждении.

Беда нам от корреспондентов! Сегодня утром явились в наш эрмитаж двое репортеров с аппаратом и сделали с нас несколько снимков. Это для журнала «P.V.T.»: Появились они из-за вчерашней статьи в «El Diario». Ээ, и расписал же нас Роткопф! Затем нас стащили в редакцию здешнего журнала «Caras y Carretas», и тоже сняли. Появились корреспонденты в «La Nación», «La Prensa», в бразильской «La Rua», в нашем «Новом Мире». Результатом этих корреспонденций явилась масса знакомств. Даже желающие присоеди-

ниться к нашей экспедиции нашлись. Как видишь, дорогая Крестенька, мы здесь своего рода «знаменитости».

В заметке А. Роткопфа «Научная экскурсия: пять русских студентов. Их путешествие и их намерения» в газете «El Diarío» сообщалось, что уже несколько дней среди нас живут четыре русских студента и один окончивший русский университет, приехали они из Санкт-Петербурга, чтобы видеть, учиться и коллекционировать. Это пять юношей, пять романтических славян, для которых ничего не значат расстояния, трудности, лишения, когда дело идет об утолении жажды знания и об осуществлении мечтаний. Их твердое решение, откровенность и хорошее настроение с избытком покрывают небольшое количество денег, которыми они располагают для осуществления своего путешествия и своих исследований. И еще больше у них скромности и искренней чистоты.

— Репортер? К нам? — воскликнули они очень удивленные. — Хорошо, если хотите что-либо написать, напишите, что мы не ученая экспедиция, что не несем никаких поручений от какого-либо правительства.

Нам рассказали, что русские студенты в течение немногих лет и во время вакаций совершили научные путешествия в своей стране, такой обширной и интересной и для иностранца; путешествовали группами, иногда в сопровождении профессора. В России существует действительно много обществ. Но они не принадлежат ни к какому. Но все уже много путешествовали по всей необъятной России (письмо от 10 июня 1914 г. Семейный архив В. Н. Танасийчука).

Другую газету на русском языке «Аргентинская жизнь» / «La Vida Argentina» (адрес: Libertad, 288, Buenos Aires) издавал стоматолог А. Д. Жаботинский (Zabotinsky), а редактором был Я. Д. Бродский. Под редакцией Бродского в Буэнос-Айресе в 1904–1906 гг. издавалась первая русская газета «Слово» (Кублицкая). 1 июня 1914 г. в русском клубе здешний скульптор Бродский демонстрировал свои маски-карикатуры — очень хорошие. Он учился в Одесской школе, а затем в Париже, уже имеет взрослых сыновей и поклонник Антокольского (Дневник Манизера: 68).

Эмигрантская пресса не могла пропустить такое событие, как прибытие экспедиции. Г. Г. Манизер писал семье: *В клубе была вечеринка, но мы все, кроме Геймана, завалились спать, так как были здорово уставшими. Сегодня в русской здешней газете (их кажется здесь целых две) появилась заметка о нас, в испанской ничего кажется еще не было. Завтра хотят нас фотографировать для иллюстрированного журнала — пришлю фотографию, если получу ее (Дневник Манизера: 63).*

Издатели 16 сентября 1914 г. вновь выразили желание публиковать материалы С.В. Геймана: *Пишите — пойдет в очередном номере (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 411. Л. 22).*

Еще в начале путешествия по р. Парана на пароходе *опять оказалось несколько русских евреев, и Гейман, не говорящий ни на каком иностранном языке, отводит с ними душу (Дневник Манизера: 79).* Н. П. Танасийчук писал крестной 25 июня 1914 г. с борта парохода «Аурога»: *В Асунсьоне мы познакомились с многими русскими. 2-е из них — доктор Риттер, прожил здесь 16 лет, занимается скотоводством, и Левинский — редактор одного здешнего журнала. Риттер приглашает нас к себе на эстансию на обратном пути. Жизнь — бесплатна. Бесплатный же проезд по железным дорогам нам будет выхлопотан ими — Риттером и Левинским» (Семейный архив В. Н. Танасийчука).*

Начало Первой мировой войны, невозможность вернуться в Россию и нехватка средств повлекли за собой изменение планов участников экспедиции. Студенты вынуждены были разделиться и вести исследования самостоятельно, по возможности поддерживая переписку друг с другом, российскими консульствами и с родными.

Г. Г. Манизер и Ф. А. Фиельструп в 1914 г. посетили несколько индейских поселков, но в декабре вынуждены были расстаться. Г. Г. Манизер отправился по предложению руководителя Службы защиты индейцев К. Рондона (Cândido Mariano da Silva Rondon, 1865–1958) изучать этнографию и язык индейцев ботокудов и работал в постах Панкас и Лажан до сентября 1915 г. (Дридзо 1998). В феврале 1915 г. Х. Б. Амброзетти отправил Ф. А. Фиельструпа в восьмимесячное плавание на учебном судне ВМФ Аргентины «Presidente Sarmiento» с заданием собирать по пути коллекции для музея (Дридзо, Решетов 1997).

С. В. Гейман, имевший широкие интересы в области политэкономии, совершил поездки по отдаленным районам Парагвая, Чили, Аргентины, Боливии, Перу в 1914–1915 гг., собрал этнографические и другие коллекции (Смирнова 1966). Не зная языков, он вряд ли смог бы получить столь удачные результаты без помощи соотечественников. Еврейская тема довольно подробно раскрыта в его южноамериканских дневниках. Приведем только некоторые выдержки из его записей по данной теме.

На обратном пути в г. Асунсьон знакомые помогли С. В. Гейману получить новый билет на пароход, *вещи оставил на хранение у (бердичевского) портного-еврея, с которым Левинский открывает магазин* (Архив РГО. Ф. 120. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 92).

За месяц в Парагвае, в котором проживало много россиян, С. В. Гейман многому научился. Этот опыт помог ему жить и в других странах региона. 31 августа 1914 г. Гейман ночевал в аптеке у Калиша, *русского еврея, очень гостеприимного и любезного. Вечером осматривали помещения клубов и дома знаменитых личностей. Клубы объединяют об(щест)во по национ(альному), профессио(нальному) и социальному положению. Общество живет глав(ным) образом политическими интересами, поэтому естественно, что здесь много, — различных организаций и ассоциаций. Об местной аристократии Левинский сказал: «Политика, женщины и кинема — вот бродящие идеи интеллигенции»* (Архив РГО. Ф. 120. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 95).

Он отплыл 2 сентября 1914 г. в Puerto Villeta, в колонию Новая Италия, где поселились двое русских. Доктор Жаботинский рекомендовал ему киевлянина Владимира Александровича Коя.

На пароходе с трудом достал чашку кофе при помощи опять же русского. «“Глупый наш народ! — Спрашиваю: Говорите по-русски? — и все отвечают: Но компрендо!” А ведь я знаю, что они наши. Месяц проболтался в Асунсьоне и так и не нашел русского», — рассказывал мне русский малец из России, машинист по профессии (Архив РГО. Ф. 120. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 98.). *Виной тому отсутствие объединяющего органа среди русской эмиграции* (Архив РГО. Ф. 120. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 105).

В Асунсьоне С. В. Гейман подружился со Шпринбергом, администратором журнала «Хроника», бывшим издателем в Б(уэнос)-Айресе анархического журнала на жаргоне. В его семье я нашел самый лучший прием и очень здоровый пансион (Архив РГО. Ф. 120. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 116). 14 сентября 1914 г. по просьбе русских выходцев я прочел доклад — лекцию в частной квартире Эрендорфа на тему «Моя жизнь среди краснокожих дикарей в Бразилии». Собралось послушать человек 60. По окончании моего сообщения осталась часть собрания и постановила основать на первое время... синагогу, вместо предполагавшегося учреждения Об(ществ)а взаимопомощи, ради кот(орого) я согласился выступить. Слушатели состояли из ремесленников-евреев, коммерсантов и представителей «интеллигент(ного) труда». Это была первая лекция на русском языке в Асунсьоне и самое многочисленное собрание русских эмигрантов (Архив РГО. Ф. 120. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 117).

В г. Вилларика 19 сентября С. В. Гейман быстро обошел русские семьи под одной фамилией Шварцман, занимающихся мануфактурной торговлей и фабрикацией конфект. Один из них, «Дон Марциус», приехал сюда с шестью песами, а теперь имеет капитал в 100 тыс. руб. «Мне здесь хорошо — я торгую ситцем, сахаром и водкой — полная свобода. В Россию поеду в русский город,

какой-нибудь Борисоглебск, вытISHу на свидание своих родных и уеду обратно», — самодовольно рассказывал плотный энерг(ичный) евр(ей). Земляки меня ловили на улице, затаскивали домой и спешили как-нибудь угостить и чем-нибудь полезным. Я не помню такой хорошей, чисто русской встречи. <...> Из города меня поехало проводить 3 земляка (Архив РГО. Ф. 120. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 122–123).

В Парагвае 13 сентября 1914 г. С. В. Гейман составил краткий отчет о первом этапе экспедиции (Аргентина, Парагвай, Бразилия — до сентября 1914 г.) «Путешествие к индейцам в Brazil. Matto-Grosso» на бланке «A. Mauricio Varsavsky, Casilla de Correo 623, Asunción» (Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 411. Л. 1–4).

С. В. Гейман 4 октября 1914 г., а с 4 ноября 1914 г. по 6 июля 1915 г. натуралисты И. Д. Стрельников и Н. П. Танасийчук (Стрельниковы 2017: 71) были приняты как гости на Агротехнической станции Пуэрто Бертони (Puerto Bertoni) в департаменте Альто-Парана. Они воспользовались предложением Р. Риттера, благо *Парагв<айское> Минист<ерство> иностр<анных> дел дало нам бесплатный проезд, да еще первым классом — на нас здесь смотрят, как на «взаправдашних» исследователей. Доктора, профессора, ученые — черт возьми! Газеты трубят на все лады — мне уж их собирать надоело — путают, врут...* (Письмо брату Георгию из Пуэрто Бертони 26 ноября 1914 г. Семейный архив В. Н. Танасийчука).

Швейцарский ботаник и этнограф Мойсес Джаккомо Бертони (Moisés Santiago Bertoni, Mosè Giacomo Bertoni, 15 июня 1857 г. — 19 сентября 1929 г.) эмигрировал (1884) с группой единомышленников в Аргентину с целью основать там социалистическую коммуну. Когда коммуна распалась, он уехал с семьей в Парагвай (1887), создал Сельскохозяйственную школу и стал ее директором (1893). Все члены его многодетной семьи занималась ботаникой, метеорологией, антропологией и другими прикладными исследованиями. Президент Парагвая назначил М. Бертони главой Управления сельского хозяйства страны (1914).

С. В. Гейман с восторгом описал продемонстрированные ему Бертони научные лаборатории, которые в тропическом лесу давали крайне важные для региона научно-практические результаты. Россияне влились в семью, насчитывавшую 35 членов (Архив РГО. Ф. 120. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 151). И. Д. Стрельников и Н. П. Танасийчук привезли в Россию 16 ящиков коллекций (43 пуда) по зоологии, этнографии, ботанике (Соболева 2016: 117).

Вклад семьи Бертони в естественные науки высоко оценен в регионе. С 1955 г. Пуэрто Бертони является историческим памятником. Постройки и парк площадью 199 га расположены на берегу р. Парана в 26 км от г. Президенте Франко (исп. Presidente Franco).

Возвращаясь из первой этнографической поездки, 5 декабря 1914 г. С. В. Гейман *провел день опять с Немировским Рокбергом* в Монтевидео (Уругвай) (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 126. Л. 51). Русский консул в Монтевидео Карл Рогберг (Carlos Rogberg) дал ему рекомендательное письмо к мэру уругвайского города Пайсанду доктору Фернандо Триани (Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 411. Л. 81–82.)

Восьмого декабря С. В. Гейман вернулся в Буэнос-Айрес. *Еще потерянных 20 дней в сборах к новому чилийскому путешествию. Поселился у Рудницкого, хотя первые дни провел с Гореликом. Время проходит опять в визитах уже к старым знакомым — Павловскому, Миленко, Штейну, Пташнику, Бродскому, Каменским, Дм. Пав. Крынину, Подольскому, Хейфицу и милейшему д-ру Жаботинскому, с которым я гулял на свадьбе симпат(ичного) семейства — Спольского. С Козловским Ю(рием) Ив(ановичем) установил самые добрые отношения. В нем я встретил старшего, но истинного товарища и редкого гуманиста. Я хотел бы сохранить о нем память благодарную и любовь. Это самая интересная встреча и личность Ю(рия) И(вановича), мало сравненная по редким достоинствам. Это отец и брат, русский в душе и искренний патриот России, переживший интересные увлечения ком(мунизм) (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 126. Л. 52–52 об.).*

Меткие характеристики С. В. Геймана позволяют представить себе круг поддерживавших его соотечественников:

Dr Жаботинский — милый товарищ. Семья его очень радушна.

Каминские — 2 докторши — н<i> рыба, н<i> мясо, зато претензий 3 короба.

Брагинская (Ольга Самойловна Брагинская. — СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 70. Л. 74 об.) — зла и остра в суждениях, позирует Гамлету, поигрывает в аристократию.

Бродский — бывший консул, душа человек, счастлив в талантливых детях, бунтовщик, но гвоздь, изюминка колонии.

Роткопф Адольф — газетный пройдоха, изнеженная умница, сладкоежка жизни. Одна слабость — любит покушать, но без «последствий» Жаботинского.

Шалио — сердцеед-бабник. «Делает Америку», но добрый малый.

Спольский (архитектор). Первый любовник обольстительницы — искусства. Добрый, но заедает тоска. Славный он, обаятелен.

Антоколец Dr. — ученый, профессор уни(ерситета), крупный чиновник. Очень много помог мне в получении проездных билет(ов) и коллекций фотографий от правительства. Крупный работник, но все «высисживает». Любит Россию... и Штейна.

Вот и все мои знакомые, заслуживающие интерес в В(uenos) Aires. Встретился с ними на своей лекции в клубе «Армония» (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 12–12 об.).

Вернувшись из поездки на остров Огненная Земля, 5 мая 1915 г. С. В. Гейман поселился в Буэнос-Айресе у отца Константина Израсцова на вышке, в комнате без окон и весьма грязной. И в депозите имел ночевку в зубокабинете Dr. Жаботинского, так как церковь закрылась в 10 ч(асов) и я не мог позже этого часа, ибо батюшка отнял у меня ключ — в обеспечение «благонаравия» (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 128. Л. 28–28 об.). Протопресвитер К. Г. Израсцов (1865–1953) — основатель и настоятель первого в Аргентине православного Свято-Троицкого храма во имя св. Николая Чудотворца и св. Марии Магдалины. В 1914 г. по его инициативе при церкви были построены ночлежный дом и небольшая бесплатная больница (Дементьев 2018: 1217). Вероятно, именно в ночлежном доме и ночевал С. В. Гейман.

В путешествиях попутчиками С. В. Геймана оказывались самые удивительные личности. 29 декабря 1914 г. он отправился в Мендосу с четой Видаковичей. Позже Ю. Н. Мариенгоф охарактеризовал их в рекомендательном письме инженеру доктору Энрике Танлио в Чили (здесь и далее пер. с исп. яз. Е. Соболевой):

Мой очень дорогой инженер и друг,

Господа доктор Серхио Гейман и д-р Виктор Видакович и жена последнего Эльза де Видакович отправляются в поездку с научными целями, как они уже делали в Бразилии, Уругвае, Аргентине и Парагвае. Первый — с целью читать лекции на университетской кафедре о Южной Америке и для пропаганды эмиграции; второй — с литературно-пропагандистской целью. Профессор Гейман — русский и преподает на кафедре в Петрограде, изучая в то же время право в одном из университетов. Доктор Видакович — выдающийся врач из Вены, нанятый в последнее время преподавать на кафедре на факультете медицины в Буэнос-Айресе; его жена — писательница, которая подписывается псевдонимом «Иерусалим», уже получившая разные награды за свои работы.

Я позволяю себе рекомендовать их, особенно тем людям, прося особенно Вашего эффективного сотрудничества, чтобы чилийское правительство обеспечило им большую возможность в Республике Чили и, если возможно, в Перу, и возвращение, как сделали и другие правительства.

Мой привет всей Вашей уважаемой семье и объятия от Софии Вашей госпоже супруге. С благодарностью, приветствую вас сердечно, Ваш покорный слуга и друг

Хулио Мариенофф

(Научный архив МАЭ РАН. К-І. Оп. 2. Ед. хр. 411. Л. 69).

Виктор Видакович (Victor Widakovitch, 1860–1930) — второй муж Эльзы Видакович (Else Widakovich (урожд. Kotányi), 1876–1942), австрийской еврейской писательницы, публициста, лектора, одного из главных деятелей в женском движении 1900-х годов. Первый ее муж — Альфред Ерусалем (Alfred Jerusalem, 1874–1945), бухгалтер (1901). Эмигрировав в Аргентину (1911), в дополнение к журналистской деятельности в южноамериканских газетах она провела этнологические исследования, изучала положение женщин, тему проституции (которую раскрыла, в частности, в романе «Красный фонарь»).

Страдая от жары, С. В. Гейман уступил свое место в первом классе своей спутнице Мте Видакович и разделял ком(панию) *Dra* во II классе. <...> Мте Видакович — прозревшая «Елиза Ерусалем», авторша Романа «Красный фонарь» и многих других книжек, между прочим «*Terra de Fuego*». Это австрийская еврейка со сварливым, вечно недовольным характером и претензиями высокой аристократки. Жадная, ленивая, капризная, неповоротливая, как корова, заплывшая жиром, — словом, страшно неприятная во всех отношениях особа. В течение дня она бывает часто в слезах или же грубо фамильярничают и ведет себя прямо к(а)к кухарка или баба легкого пошиба. Целую ночь она блудила по вагонам, наконец поезд разделили по 2-м параллельным линиям, и мы оказались в разных вагонах. Вот я вздохнул-то легко. Ушел в первый класс, разделся и чудно выспался (Научный архив МАЭ. Ф. К-І. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 21–23).

Оказавшись в г. Пунта Арена (Чили) в начале апреля 1915 г. и убедившись, что сведения о Патагонии чрезвычайно скудны, С. В. Гейман констатировал с горечью: *Проптер, Е. Ерусалем и имярек больше обогатили газеты и лубочную литературу, чем науку* (Научный архив МАЭ. Ф. К-І. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 4).

В г. Мендоса Видаковичи поселились во французском отеле на Calle Las Heras, а С. В. Гейман отправился к Ю. Н. Мариенгофу, которого рекомендовал ему А. Я. Павловский. Инженер Юлий Николаевич Мариенгоф (Julio Nicolás Marienhoff, 1861–1932) окончил Петербургский университет. Его семья имела пивоварню, поставлявшую продукцию к царскому двору. Находясь в Бельгии, Ю. Н. Мариенгоф заинтересовался идеей президента Луиса Саенса Пеньи (Luis Sáenz Peña, 1822–1907) устроить винокурни в провинции Ла Плата и приехал в Аргентину в 1893 г. В 1905 г. за ним последовал брат Луи, а затем и кузен Бенито. Вводил культуру обработки почвы с системой орошения в департаменте Сан-Мартин провинции Мендоса. Был министром муниципальных общественных работ при губернаторе Мендосы Эмилио Сивите (Emilio Civit, 1856–1920). Женился в 1898 г. на сестре Павловского Софии Яковлевне (1869–1951), имел семь детей. Модернизировал винокурни, совершенствовал технологии дистилляции. В 1907 г. запатентовал «конический перегонный куб» и начал производство в собственной винокурне. Технология получила признание среди региональных виноделов в Мендосе. Также Мариенгоф стоял у истоков технологии изготовления фотоснимков.

Засиделся я у Юлия Ник(олаевича). Он простой, добрый и умный прибалтийский еврей. Имел тысячу профессий и миллион дел, жил в Германии, Франции, Бельгии и Англии и жизнь кончает в Аргентине крупным эстанционером — земледельцем. Его супруга София Як(овлевна) Павловская — женщина мягкой души, воспитанная в русских гимназиях с хорошими традициями. Теперь она тяготеет долей только матери и мечтает возвратиться в Россию, кот(орую) она нежно любит, к(а)к и все русские, у кот(орых) интересная часть жизни протекала на родине. «В Аргентине чудные законы, но произвол и продажность правит(ельственных) чиновников такова, что только суровая монархия может возродить

ее к устойчивой жизни. В течение выборного 4-летнего стажа губернатор и чиновники заботятся устроить свои делишки, а после них — хоть потоп», — возмущался Ю(лий) Н(иколаевич). Я предпочитаю жить в России. «Много я возился с Русской колонизацией на мою землю, — продолжал он. Но теперь пулю пуцу скорее в лоб, чем иметь дело с еврейскими земледельцами. Ленивы, вороваты (однажды лен загребли в яму вместо посева), претензиозны и непоседл(ивы)ы». Кто знает, где правда. Про Мариенова мне говорили, что он плут большой и не платит деньги за работу. На свете все относительно! (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 23 об. — 26).

Днем 31 декабря С. В. Гейман попал в русско-еврейскую семью Левинского (брата Хозе!), торговца мехами и бывшего колониста — Зе-ца. Нехорошие вещи про него мне рассказывали, но ведь это не ново! Юж(ная) Америка — страна жуликов по преимуществу. Компаньон Левинского — цупленький еврейчик — повез нас осматривать руины *S(anto) Domingo*, где мы умирали с тоски. Потом, написавшись чайку с русским вареньем, мы поехали в Бодегу «Томба» — виноделательную фабрику. Это громадные подземные лабиринты с колоссальными бочками для вина. Машины последних систем, и все в таких громадных размерах конструировано, что «Томба» считается величайшей в мире фабрикой. Виноделательная промышленность Мендосы организована на крупных капиталистических началах. Фабрики вырабатывают до 150 тысяч бочек вина каждая. Производительность земли в три раза выше европейской при условии хорошей ирригации. Но все же много земель пустуют и ждут колониста (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 28 об. — 29 об.).

Ночью под Новый 1915 год Бенито Мариенгоф увез гостя прокатиться в парк. 1 января 1915 г. они приехали в кафе *Colon*, выпили чего-то крепкого, но на душе веселее не стало. Лег спать с Бенедито («Винным инспектором!») в квартире Мариенгофа в 4 часа ут(ра) и утром опоздал к 8 часовому поезду, с которым мы должны были ехать в колонию *M(auricio) Central*. Видакович с женой уехал вовремя, я направился вслед с поездом в 12 ½ ч. (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 33 об.).

Мариенгофы радушно принимали С. В. Геймана в своем именье. Удивительно красиво, уютно и тепло я чувствовал себя в этой семье. И жил бы еще, если бы не торопился *Dr* с выездом. 5/1 возвратившись в город, мы с Юл(ием) Ник(олаевичем) и С(офией) Як(овлевной) поужинали в лучшем отеле и ночевать пошли в их пустующую квартиру (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 35–36 об.).

Гейман 8 января 1915 г. посетил в Мендосе Арона Яковлевича Павловского, который принял его довольно холодно, вероятно, обиженный, что все время наша компания была с Мар(иенгоф)ом — его заклятейшим врагом. Но потом он был очень радушен и сожалел, что не может заняться мною вследствие нашего скорого отъезда. Предоставил на прощанье свой автомобиль, кот(орый) прокатил меня 7 верст в 10 минут до дома (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 38 об. — 39). 9 января 1915 г. путешественники посетили бодегу Павловского в Мендосе.

В пути С. В. Гейман всегда искал соотечественников, надеясь на их советы и содействие. Сойдя на (Огненную) Землю, я долго искал дешевый отклик или русскую семью (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 3). В Темуко ему помогли поляки: 2 марта 1915 г. сердечно распростились мы с польской колонией (еврейство здесь очень несимпатичное), и я покинул, вероятно, навсегда, симпатичное *Темуко*. Весь юг Чили в немецком «засилье» (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 128. Л. 11 об.). В Пуэрто-Монт я нашел еврея *Don Mauricio Meerson*, мелкого лавочника, который приютил меня на вышке, по(д) «прозрачной» для дождя крышей, на время, кот(орое) понадобится здесь прожить. (И каким продолжительным оно оказалось!) (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 128. Л. 17). В Пунта Аренас вначале мне пришлось несладко на этой грани мира: русских ни души, кроме проституток из Польши и евреев, кот(орые)

или скрывают свое происхождение, или потеряли родной язык настолько, что с ними неприятно встречаться — вообще это элемент самый несимпатичный, после того к(а)к он вылез из черно-го тела нужды. Проводили меня братики-славяне (хорваты) 24 апреля 1915 г. (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 24 об.). В Пуэрто Мадрин в конце апреля 1915 г. Гейман имел встречу с Каминским — одесситом, владельцем крупного магазина (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 27).

С. В. Гейман посетил несколько русских (Таксами) и других колоний в Южной Америке. Средства на поездки и покупку коллекций он зарабатывал газетными статьями, выступлениями с публичными лекциями в славянских общинах. В Буэнос-Айресе прочел три лекции в русском клубе «Армония» и для рабочих в «Салоне Мексико» — собрались до 300 персон. Но выручка оказалась в скромной цифре 10 руб.! Зато местные иллюстрированные журналы «Карас и Каретас», «Фрай Мочо» и «П.В.Т.» заплатили за мои фотографии с Огненной Земли и Чили 165 руб. (peso). Но каких трудов мне стоило получить авансом деньги? Я ежедневно преследовал редакторов и надоел им к(а)к 1000 чертей!

Наконец продал часть своих коллекций Видаковичу и в музей — получил 150 руб. Неизменный Юлий Иванов(ич) Козловский дал на экспедицию в Боливию 150 руб., похлопав меня по плечу, сказал: «Извини, батенька, что не могу больше помочь!» Затем продал свои лишние вещенки, заложил в ломбард то, что покупали дешево, и в конечном результате сколотил 800 peso! Это совсем неожиданное счастье. Мои надежды окрепли, я стал еще неустрашимее в своих туристических «посягательствах». <...> Наконец нужно было собрать сотни «рекомендательных писем» для многих стран и необходимые документы властей. Написал тысячи строк для «Нов(ого) Мира» и «Аргент(инской) жизни», за что получил всего только 100 peso! Аргентинское правительство предоставило мне бесплатный проезд до Боливии при содействии милейшего русского министра Е. Ф. Штейна (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 29).

Знакомые по возможности подкармливали С. В. Геймана, устраивали его на ночлег, помогали с культурной программой. В Буэнос-Айресе в 1915 г., имея много фамилий русско-еврейских, где я стал почти домашним другом, как-то естественно мои обеды и ужины распределились между ними заранее. (У Павловских — Розы и Александра, Бродского, Жаботинского, Крынина, Брагинского, Козловского, Хейфица, Д. Видаковича, Подольского, Каменского, Маленко, Спольских я всегда чувствовал себя как среди родных и очень близких людей) (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 28 об.).

Знаменитый репортер и издатель ежедневника «El Diario» Адольфо Роткопф (Adolfo Rothkopf) 22 декабря 1914 г. дал ему несколько рекомендательных писем. Роткопф просил губернатора провинции Мендоса доктора Альвареса (Dr. Alvarez) оказать помощь г-ну Гейману, члену российской научной миссии Этнографического музея Императорской Академии наук из Петрограда, который направляется в научную поездку в Кордильеры (Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 411. Л. 85–86 об.). Доктору Деметрио Арановичу в г. Карлос-Касарес Роткопф писал: *Уважаемый Деметрио, я рекомендую г-на Геймана, русского студента, который с научной миссией путешествует по Аргентине. Он собирается увидеть израильские колонии, и никто лучше, чем вы, не подготовит его впечатления и не разъяснит истинное положение. Немногие политики будут рассказывать о культуре, как г-н Гейман. С уважением, твой Адольфо* (Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 411. Л. 83–84 об.).

Деметрио Аранович (Demetrio Aranovich, 1871–1945) уехал из России в Аргентину в 1896 г., работал в Еврейском колонизационном обществе, стал секретарем администрации еврейской колонии «Клара» (провинция Энтре Риос). Получил образование в университете Буэнос-Айреса (1903), работал врачом в колонии «Мориция» (1903) и составил ее исторический обзор (Zablotsky 2012). Проживал в г. Карлос-Касарес (провинция Буэнос-Айрес), частью которого стала Colonia Mauricio (1904–1916). Первый врач из русских евреев, он работал в госпитале Israelita Ezra в Буэнос-Айресе, стал президентом Еврейского общества (Suárez).

Еврейские переселенцы ехали в Аргентину благодаря содействию международной благотворительной организации «Еврейское колонизационное общество (ЕКО)», основанной в Лондоне в 1891 г. известным филантропом бароном Морисом де Гиршем. Его задачей было улучшение условий жизни евреев за счет переселения их на территории в Новом Свете и создания устойчивого класса земледельцев (Дементьев 2018: 1211). Более 4000 русских евреев были расселены на купленных им землях в трех сельскохозяйственных колониях — Мозесвиль, Мориция и Клара. Позже были основаны колонии Сан-Антонио, Санта-Исабель, Люсьенвиль, Барон Гирш и Бернаскони. В 1910 г. в этих восьми колониях жили 21 115 евреев (3777 семейств) (Зальцберг). ЕКО договаривалось с транспортными пароходными компаниями, принимая на себя долговые обязательства в случае, если у переселенца не было средств на проезд (Дементьев 2018: 1211).

В Морицию (Маурисио) С. В. Гейман не поехал. Зато он попал в Мозесвиль — первую сельскохозяйственную колонию русских евреев в Аргентине. Ныне это город-музей на северо-востоке Аргентины. *Moisés Ville* находится в 110 км от г. Санта-Фе и в 600 км от столицы г. Буэнос-Айреса. Основатели колонии — 136 семей (824 человека) во главе с духовным наставником рабби Ароном Гольдманом — прибыли из Подолии 14 августа 1889 г. на борту немецкого парохода «Везер». Все они говорили только на идиш. На месте расселения их никто не ждал, но через полустанок Паласиос проезжал доктор Вильгельм Ловенталь из Берлина, который по заданию аргентинского правительства обследовал земли, пригодные для будущей колонизации. Он добился того, что оставшимся 50 семьям колонистов доставили палатки, инвентарь, скот. Название колонии глубоко символично. Рабби Гольдман объяснял это так: «Моисей вывел евреев из рабства в Египте и направил их в собственную землю. Мы, оставившие царскую Россию и прибывшие в свободную Аргентину, испытываем в этом месте, которое станет нашей родиной, те же чувства, что и наши далекие предки» (Зальцберг).

С. В. Гейман 17–22 июня 1915 г. подробно описал свое пребывание *среди еврейских колонистов Мойзес-Вилле*.

Директор французской ж(елезной) д(ороги) дал мне проезд в «Еврейское царство». Это самая значительная колония еврейских эмигрантов в Аргентине. И может служить типичным специальным экспериментом в переработке еврейской расы с ее вечными национальными и миссийскими проблемами. Встретил меня народный учитель Синдерей и библиотекарь. Уже наступала ночь, и я не мог присмотреться к городку, по которому меня провезли на двуколке. Остановился в отеле. Все посетители — труженики кампы, землеробы в костюмах гаучей. Окружили меня, русского гостя, познакомились и разговорились на испанском языке, так как по-русски говорят очень немногие. После ужина состоялось собрание в библиотеке, где и порешили назначить мою лекцию. Собралось так много любопытствовать далеким гостем, что даже у окон я заметил внушительную толпу зевак. Покамест все мило, внимательны и услужливы.

18/VII. С утра ознакомился с городком из полдесяток улочек с одноэтажными домиками, открытыми дворами, в которых немало крестьянских снастей. Евреи-горожане сохранили во всем русский уклад жизни до самоваров, подсвечников и фаршированной рыбы. Старики с красивыми седыми бородами и озабоченными лицами бродят по улице в длинных пальтах и картузах, что придает общей картине города впечатление «черты оседлости». Здесь даже в субботу в школах занятия не производятся и две синагоги полны стариками, кот(орых) я видел со свечами на дворе, приветствующих новолуние.

Отправился за десяток верст в поле посмотреть жизнь колонистов. Это поистине земледельцы, и психика их совершенно заново преобразилась. Как ни тяжело было пионерам 25 лет тому назад выкорчевать лес и жить чуть ли не под открытым небом, но теперь большинство ко(лонисто)в имею(т) солидные домики, хороший инвентарь, скота до 300 голов

и земельные наделы от 75 десятин до 500, на которых сеют алфу, клевер, овес, лен, хлеб и пасется скот.

Многие колонисты выплатили лежащий на земле долг *О(бщест)ву Е(врейскому) К(олонизационному)* (основанному Бар(оном) Гиршем) по 40 песо с десятины и введены в права неограниченных собственников. Все довольны, спокойны и о России вспоминают со злобой, поэтому большинство желают поражения России в текущей войне и настроены германофильски. Из дальнейших визитов и бесед при встречах выяснилось, что колония располагает солидным Кооперативным *О(бщест)вом*, библиотеками, двумя школами, в одной из них занятия ведутся на родном языке, обществом культурно-еврейского воспитания, *о(бщест)во «Esra»*, есть рабочий союз, филантропичес(кий) кружок и *О(бщест)во* взаимопомощи эмигрантам.

Лекцию читал в кинематографическом салоне на три темы одновременно: 1) Палестина, 2) Политика по Евр(ейскому) вопросу в России и 3) Индейцы Юж(ной) Америки, причем показал им свои диапозитивы впервые. Собралось 300 человек, и все в польтах, так как было холодно чертовски. Мою лекцию перевели с русского на еврейский, и все дружно аплодировали. Не провалился, значит. Сбор в мою пользу — 50 песо, остальное (сколько?) в пользу библиотеки. Харович — дал мне приют, и очень радушный. Мило распростился с пионерами еврейской агрикультуры 22/VI (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 31–32 об.).

В Тукуман С. В. Гейман проследовал 24 июля 1915 г. *От Мойзес-Виль до Сан-Христобан проезд в 4 час., и с полудня до 6 ч(ас). утра* нужно было ожидать поезд с линии F.C.C.N. Старый еврей — *ком(м)ивояжер в 60 лет, мой спутник, порекомендовал мне переждать это время у торговца-турка, который был так любезен, что предложил постель и угостил отвратительными консервами.* <...> *Шварц* — молодой еврей, заброшенный сюда после всех неудач студенчества. Это «живой труп» с мертвой душой. Все сломано, осталась «тоска по родине». Он аккомпанировал меня к разным лицам, в Зоологический сад и в «зачные места». <...> Последнюю ночь, столь странную в моем путешествии от неожиданных встреч и «водительства» нашего альфонса, переночевал со Шварцем. *Шпринский* — бывший фармацевт в России, теперь — портной, домовладелец, «сделал» хорошую фортуна и доволен собой. Принял меня хорошо и даже хотел устроить мне лекцию. Но еврейство Т(укума)на не знает русского языка (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 33–34).

В г. Ла Пас (Боливия) ему предстояла встреча с господином Познанским и уточнение маршрута в Перу (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 70. Л. 74 — 74 об.).

Гейман признает:

Мимо меня прошли сотни людей с новой психикой, выработанной новой социальной средой с беспощадной, жадной погоней за обогащением, исключительно материальным. С испорченными вкусами, большими желаниями, искалеченными натурами, людей, одурманенных золотым Кумиром, но с вечной тоской по минувшему и иллюзорному будущему — в лучшем случае. И только немногие фигуры запечатлеваются, остальное же большинство сплывается в массу, правда, характерную и индивидуально выраженную (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 3 об.).

Как видим, российские путешественники, несмотря ни на что, вели полевою этнографическую работу в Южной Америке. Им удавалось установить добрые отношения с властями и местными жителями. Пришлось совершенствовать свои коммуникационные и предпринимательские качества. Доброжелатели оказывали молодым ученым моральную и материальную поддержку. Финансовый резерв экспедиции был доверен А. Я. Павловскому, и его переводы из Буэнос-Айреса позволили

российским студентам по завершении исследований по одиночке вернуться домой в 1915–1916 гг., поскольку заканчивался срок отсрочки их воинской повинности. В феврале 1916 г. последние ящики с коллекциями были доставлены в Петроград, началась обработка материалов. Выпустившись из университета, Г. Г. Манизер на румынском фронте скончался от тифа 21 июня 1917 г. (Дридзо 1998), Н. П. Танасийчук принял заведывание Петроградским зоосадам (1918) (Танасийчук 1966), а Ф. А. Фиельструп отправился за Урал, где работал (1918–1921) для Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран Академии наук, специализировался в тюркологии (Кармышева 1999). И. Д. Стрельников заведовал курсами Лесгафта для рабочих (1918) (Стрельниковы 2017).

Непризывной С. В. Гейман философски замечал: *Что из того, что я далеко от Родины и друзей! Зато с каждым днем я богатею новыми знаниями о Южной Америке, куда вторично ведь я не возвращусь...* (Научный Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 27 об.). Конечно, постепенно накопилась усталость, и в канун нового 1915 г. Гейман осознал: *Но к(а)к странно. Мне никогда так не было жутко на чужбине, вне милых друзей и Родины. Совсем среди чужих по духу и крови в такой славный и знаменательный момент. Десять месяцев путешествия прошлого года (1914) в Южной Америке — несомненно целый мир пережитых впечатлений, приобретенных знаний и пустое звено в цепи карьерных жизнеустроительных дел* (Научный архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 32). Из Перу С. В. Гейман уехал в США и поступил приемщиком боеприпасов на военный завод канадской «Автомобильной и литейной компании» в г. Линдхёрст, Нью-Джерси (1916–1917) (Лукин 1977).

Дневники и письма участников экспедиции в совокупности дают весьма показательную картину этнического развития Южной Америки в 1910-е годы. К тому времени многие идеалистические проекты эмигрантов потерпели крах. Некоторые иммигранты, в том числе евреи, прижились и реализовались на новой родине, внося значимый вклад в экономическое и культурное развитие Южноамериканского континента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Дневник Г. Г. Манизера о путешествии в Южную Америку, 1914–1915 гг. (рукопись).
- Дементьев А. А. Падение самодержавия и русские эмигранты в Аргентине // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, вып. 4. С. 1203–1220. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/srbu02.2018.412> (дата обращения: 15.05.2020).
- Дридзо А. Д. Генрих Манизер — исследователь Южной Америки // Немцы в России: Люди и судьбы / отв. ред. Л. В. Славгородская. СПб., 1998. С. 189–195.
- Дридзо А. Д., Решетов А. М. Ф. А. Фиельструп — исследователь Южной Америки // Первые Скандинавские чтения: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 189–194.
- Зальцберг Э. Сельскохозяйственные колонии евреев из России в Аргентине // Заметки по еврейской истории. № 3. 29.03.2014. URL: <http://litbook.ru/article/6249/> (дата обращения: 15.05.2020).
- Кармышева Б. Х. От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: жизненный путь Ф. А. Фиельструпа // Репрессированные этнографы. Вып. 1. 1999. С. 152–163.
- Кублицкая М. А. Русская периодическая печать в Аргентине в XX веке. URL: <http://www.emigrantika.ru/publications/840-kublickaja> (дата обращения: 15.05.2020).
- Лукин Б. В. Из материалов русской научной экспедиции 1914–1915 гг. в Южную Америку // Латинская Америка. 1977. № 1. С. 159–189.
- Путятова Э. Г. Российские эмигранты в Аргентине (конец XIX — начало XX в.) // Латинская Америка. 2005. № 7. С. 75–81.
- Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Старые и новые тенденции эмиграции из России в Латинскую Америку // Народонаселение. 2014. № 2. С. 58–64.
- Смирнова Н. А. Вторая русская экспедиция в Южную Америку 1914–1915 гг., ее материалы и коллекции // Советская этнография. 1966. №6. С. 98–112.
- Соболева Е. С. Г. Г. Манизер — участник Второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. Бразильский дневник. СПб., 2016.

Стрельникова Н. И., Стрельников С. И., Стрельников К. С. Иван Дмитриевич Стрельников (1887–1981). Путь в жизни и в науке. СПб., 2017.

Таксами Н. Ч. По Южной Америке. 1914–1915. Неоткрытые дневники С.В. Геймана // Этнография и археология коренного населения Америки. СПб., 2010. С. 271–285. (Сборник Музея антропологии и этнографии, Т. LVI).

Танасийчук В. Н. Русские студенты в Южной Америке // Наука и жизнь. 1966. № 1. С. 114–125.

Танасийчук В. Н. Пятеро на Рио Парагвай. М., 2003.

Шейнбаум Л. С. Аргентина. Особенности формирования и развития нации // Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981. С. 262–312.

Jaroslavsky A. B. La familia Pavlovsky en la Argentina // Historia Instituciones Personajes. De Eduardo Alejandro Kesting. Martes, 3 de Julio de 2012. URL: <http://eduardokesting.blogspot.com/2012/07/la-familia-pavlovsky.html> (дата обращения: 15.05.2020).

Pavlovsky A. Hojas de Otoño. Buenos Aires, 1902.

Suárez C. Demetrio Aranovich, Primer medico judío de la República Argentina // La voz y la opinion. URL: <https://www.delacole.com/cgi-perl/medios/vernota.cgi?medio=lavoz&numero=octubre2002¬a=octubre2002-23> (дата обращения: 15.05.2020).

Zablotsky E. Filantropía no asistencialista: La reseña de Demetrio Aranovich sobre Colonia Mauricio // Serie Documentos de trabajo No 484. Universidad del CEMA, Buenos Aires, Argentina. Marzo 2012. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/84257/1/690212119.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

JEWS IN SOUTH AMERICA (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE SECOND RUSSIAN EXPEDITION TO SOUTH AMERICA IN 1914–1915)

ABSTRACT. The unpublished archives of the participants of the Second Russian (Students') Expedition to South America in 1914–1915 contain interesting observations on the life of urban and rural population. The travelers met emigrants from the Russian Empire all along their way. Their letters and diaries describe typical situations from the life of emigrants and reflect the roles of Jews in the development of the South American continent (Argentina, Paraguay and Chile). The letters of recommendation issued by local intellectuals for the young scientists allow us to study the communication system and connections in the emigrant communities. Notes by S. V. Geiman contain valuable information about the circles of local intelligentsia and some significant figures of East European descent, primarily Jews. The families of Pavlovsky, Marienhoff and other educated emigrants from Russia played an important role in the economic development of Argentina. The family of the Swiss zoologist M. Bertoni set up a scientific laboratory in a tropical forest in Paraguay. The notes by S. V. Geiman on experimental emigrant colonies, including his description of the Jewish agricultural colony of Moisés Ville (Argentina), also appear to be of particular interest.

KEY WORDS: South America, emigration, Jews, S. V. Geiman, Th. A. Fjelstrup, H. H. Manizer, I. D. Strelnikov, N. P. Tanassichuk, ethnography, Jewish Colonization Association

ELENA S. SOBOLEVA — Candidate of Sciences, Senior Researcher, Department of South and Southwest Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: soboleva@kunstkamera.ru

SOFIA P. SOROKINA — Lead Museum Records Specialist, Department of Documentation, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: msp@kunstkamera.ru

Рис. 1–2. Эмигрантский дом, ныне Музей иммиграции и Центр современного искусства (MUNTREF).
Фото Е. С. Соболевой, Буэнос-Айрес (Аргентина), 2018 г.